

Летописание
и развитие
письменной
культуры
(Новгород,
XI – первая
половина XII в.)*

Annalistic Writing
and the Development
of Written Culture
(Novgorod of the
11th and the First
Half of the 12th
Centuries)

**Тимофей Валентинович
Гимон**

Институт всеобщей истории РАН,
Государственный академический
университет гуманитарных наук
(Москва)

Timofey V. Guimon

Institute of World History of the
Russian Academy of Sciences, State
Academic University for Humanities
(Moscow)

Резюме

В статье анализируются ключевые моменты ранней истории новгородского летописания в контексте других процессов в новгородской письменной культуре. Первые, очень краткие летописные записи были сделаны клириками Софийского собора в середине XI в. — в период, когда письмо начинает становиться частью повседневности как клириков, так и светской элиты и администрации. Первые систематические исторические сочинения — летописный свод и перечни-обзоры — предположительно были созданы в 1090-е гг.; в это же время мы видим распространение книгописания за пределы софийского клира и начало массового использования вислой печати. В 1110-х гг. началось ведение летописи из года в год, что, вероятно, связано с созданием и переработками в эти годы в Киеве “Повести временных лет”, и также совпадает по времени с

* Статья написана в рамках проекта РГНФ № 12-01-00328 “Средневековая анналистика: Сравнительное исследование (Англия, Ирландия, Русь)”.

началом использования посадничьей печати: всё это отражает изменение баланса политических сил в Новгороде. К 1130-м гг. относятся древнейшие сохранившиеся документы, гарантирующие владения, доходы и привилегии церковных институтов; тогда же происходят новые изменения в использовании печати. В 1132 г. летопись переходит из рук князя в руки архиепископа, ее содержание несколько меняется, и в ней начинают отражаться официальные обвинения Новгорода своим князьям. Создается впечатление, что 1130-е гг. — это время, когда в Новгороде на письме начинают фиксироваться права, привилегии и взаимные позиции различных участников политического процесса.

Ключевые слова

Новгород, письменность, письменная культура, летописи, летописание, Средние Века, Древняя Русь

Abstract

The author studies key moments in the history of early Novgorodian annalistic writing in the context of other written practices in Novgorod. The first, very brief annalistic notes were made by clerics of the St. Sophia Cathedral in the middle of the 11th century, at the time when, in Novgorod, writing was becoming part of the everyday life of clerics as well as of the lay elite and the administration. The first systematic historical works (an annalistic compilation and a collection of lists) appear in the 1090s, when we see the spread of book production beyond St. Sophia and the start of the mass usage of princely seals. The beginning of the systematic keeping of annalistic records in the 1110s was probably stimulated by the creation and the revisions of the Primary Chronicle in Kiev but, at the same time, it is around 1117 that the *posadnik's* seal appears, and this reflects a shift in the political balance in Novgorod. The 1130s were the time when the earliest extant documents granting lands, incomes, and privileges to church institutions were issued, and some other innovations in written culture also took place at around that time. In 1132 the annals previously kept for the prince passed to the control of the archbishop. Their content changed and official accusations relating to the behavior of princes began to be included. Thus, it was in the 1130s that the rights, privileges, and mutual positions of the actors in Novgorodian politics started to be fixed in writing.

Keywords

Novgorod, writing, written culture, annals, chronicles, annalistic writing, Middle Ages, Old Rus'

Летописание — один из ярких феноменов древнерусской письменной культуры. Однако его место в этой культуре не до конца ясно. С какой целью составлялись летописи? Кто их читал и в каких случаях к ним обращались? Где, у кого и какие имелись экземпляры летописей? Как соотносились исторические сведения, зафиксированные в летописи, с устной исторической традицией, которая, несомненно, играла важную роль в жизни древнерусского общества?

Прямых ответов на эти вопросы источники не дают. Один из косвенных путей заключается, на мой взгляд, в том, чтобы соотнести историю летописания — момент его появления, эволюцию его форм, содержания и т. д. — с историей письменной культуры вообще. Какие тексты возникают одновременно с летописями? Какие виды текстов существуют параллельно с ними? Соотносятся ли важные вехи в истории летописания с какими-то еще новациями в письменной культуре?

Разумеется, летописание уже рассматривалось учеными как часть единого литературного процесса (см., например, классическую книгу: [Лихачёв 1947]), равно как и в контексте политической истории (здесь наиболее последовательна работа: [Присёлков 1996]). Однако до сих пор, насколько мне известно, не было попыток соотнести этапы развития летописания с конкретной историей других видов письменных текстов, включая деловые (самые общие наблюдения на этот счет см.: [Каштанов 2001]). Реализовать такую задачу достаточно трудно: с одной стороны, многие моменты в истории летописания не до конца ясны или являются дискуссионными, с другой — препятствием становится плохая сохранность письменных текстов иных видов.

Исключение составляет средневековый Новгород. По сравнению с другими регионами Руси здесь хорошо сохранились как памятники летописания, так и другие письменные источники. Именно из Новгорода происходят древнейшие сохранившиеся книги, берестяные и пергаменные грамоты и многие другие важные памятники, включая и старейшую сохранившуюся летопись — Синодальный список Новгородской I летописи XIII–XIV вв. Разумеется, сохранилось не всё, что было некогда написано, однако новгородский материал весьма репрезентативен. История новгородского летописания тоже достаточно хорошо изучена, хотя и не по всем вопросам существует консенсус среди исследователей¹.

Для раннего новгородского летописания рубежными моментами являются, на мой взгляд, середина XI в., 1090-е, 1110-е и 1130-е гг. Рассмотрим каждый из этих моментов в контексте других данных о письменной культуре Новгорода.

Середина XI в.

Прежде всего, это время постройки каменного Софийского собора (заложен в 1045 г.). С новгородской Софией, скорее всего, связано написание древнейшей сохранившейся датированной книги на пергамене — Остромирова евангелия 1056–1057 гг., заказчиком которого выступил новгородский посадник Остромир [Алексеев 2010]. Чуть раньше, в 1047 г.,

¹ Ссылки на литературу будут даны ниже, при рассмотрении конкретных узловых моментов в истории новгородского летописания.

попом Упырем Лихим по заказу новгородского князя Владимира Ярославича была переписана (с глаголического оригинала?) книга Толковых пророков [Столярова 2000: 10–13]. После постройки Софийского собора пышным цветом расцвел обычай оставлять на его стенах надписи-граффити, многие из которых датируются уже XI в. и даже его серединой [Медынцева 1978].

Однако развитие письменной культуры в Новгороде середины XI в. связано не только с духовенством и Софийским собором. Именно с этого времени становятся многочисленными берестяные грамоты, хотя отдельные более ранние документы тоже найдены. Среди грамот середины — второй половины XI в. уже есть примеры частных писем, административных донесений, росписей долгов и повинностей². Скорее всего, к 1050-м гг. относятся граффити Софийского собора, упоминающие “Петра, Остромира дьяка”, — скорее всего, клирика, исполнявшего функции посадничьего секретаря и, следовательно, ответственного за составление документов [Медынцева 1978: 94–97, № 143–144].

Вообще, С. Франклин называет 1050-е гг. временем, когда произошел скачок в развитии письменной культуры Руси: прежде свидетельства об использовании письма “остаются случайными и редкими”, с этого момента — “становятся многочисленными, следуют друг за другом без перерыва, и количество их непрерывно возрастает” [Франклин 2010: 218]. По мнению А. А. Гиппиуса, середина XI в. — это момент, когда в активную жизнь вступает поколение грамотных новгородцев, учившихся в школе, основанной Ярославом Мудрым (известие новгородско-софийских летописей под 1030 г. [ПСРЛ, 42: 63]). Именно этому поколению было суждено перенести навыки письма из сугубо церковной сферы в другие — административную, хозяйственную, личную (включая и расширение сфер использования письма самими клириками) [Girnius 2012].

А. А. Шахматов предполагал, что в середине XI в. в Новгороде был составлен летописный свод, соединивший киевский материал с текстом двух более ранних новгородских “летописей” — 1017 и 1036 гг. К этому своду, согласно Шахматову, восходит значительная часть известий о Новгороде XI в. в самых разных источниках — от киевской “Повести временных лет” до поздних новгородских и московских сводов [Шахматов 2002: 128–182, 275–280, 328–353]. Гипотезу Шахматова поддерживали (или как-то модифицировали) многие ученые, хотя высказывались и сомнения в ее справедливости (см. обзор литературы: [Гимон 2012б: 585–591]).

На мой взгляд, гипотеза о новгородском своде середины XI в., равно как и о предшествовавших ему летописях, не подтверждается.

² См. наиболее полный свод берестяных грамот: <http://gramoty.ru/>.

Большинство известий, которые Шахматов возводил к своду 1050 г., имеют другое происхождение (в одних случаях восходят к новгородским перечням конца XI в., в других — к киевскому Начальному своду, в третьих являются реконструкциями более поздних книжников) [Гимон 2012б: 593–615, 641–687]. Единственными подлинными новгородскими записями этого времени оказываются шесть известий, читающихся в Синодальном списке под 1045, 1052, 1066, 1069, 1077 и 1079 гг. Скорее всего, это не “осколки” какого-то обширного памятника, а именно краткие записи, делавшиеся по горячим следам событий, но не систематически [Гимон 2012б: 634–636], — вероятно, кем-то из клириков Софийского собора. По крайней мере, содержание пяти из этих шести известий имеет самое прямое отношение к Софии: речь о закладке собора (1045 г.), о смерти Владимира Ярославича (который был здесь похоронен, 1052 г.), о разграблении собора Всеславом (1066 г.), об обретении в соборе креста Владимира (в рассказе о победе над Всеславом 1069 г.) и о смерти епископа Феодора (1077 г.). Кажется вероятным (хотя и не вполне доказуемым), что данные записи делались в продолжение аналогичных киевских записей (кратких анналов) первой половины XI в., попавших в Новгород, например, на заключительных листах какой-то богослужбной рукописи [там же: 636–640].

Как бы то ни было, в Новгороде в середине XI в. не возникает ни обширного памятника историописания, ни привычки к систематическому ведению летописи — притом что в Киеве, скорее всего, историописание к этому времени уже было³. Всё, что мы наблюдаем в Новгороде, — это краткие записи которые могли даже поместиться на одной странице. В них следует видеть одно из проявлений интереса к письму софийских клириков (наряду с надписями-граффити), быть может — влияние киевской практики, но еще не потребность Новгорода как политики в фиксировании происходивших событий. Такую потребность можно уловить только с самого конца XI в.

1090-е годы

По моей гипотезе, в середине 1090-х гг. создается первый летописный свод — еще очень неумелый, соединивший полный текст киевского Начального свода до 1016 г. и краткие выписки из него же за более позднее время — в соединении с упомянутыми шестью новгородскими записями (текст этого свода практически без изменений сохранился в Синодальном списке) [Гимон 2012б: 628–631]. Вероятно, такая несимметричная,

³ Большинство ученых датирует составление древнейшего киевского историографического сочинения в пределах конца X — первой половины XI вв. (отсылки к основным точкам зрения см.: [Гимон 2012а: 211–212]).

если не сказать неудачная, структура свода объясняется тем, что сводчик воспринимал события до 1016 г. как общую историю Киева и Новгорода, а последующие — как отдельную историю Новгорода, для изложения которой киевский летописный источник не слишком подходил [Гимон 2012б: 616–618]. Тогда же, в 1095 г., вероятно, были составлены первые новгородские перечни-обзоры — киевских и новгородских князей, новгородских епископов [там же: 602–613]. Эти перечни как раз и были призваны хотя бы отчасти компенсировать несимметричность первого новгородского свода: они давали пусть краткое, но именно *новгородское* изложение истории последнего столетия [там же: 618].

Кто был инициатором составления свода и перечней, сказать трудно, но скорее это был не князь, а епископ Никита, выходец из Киево-Печерского монастыря⁴. Возможно, создание там в начале 1090-х гг. Начального свода как раз и послужило непосредственным толчком к оживлению летописной работы в Новгороде. Однако даже если это и так, создатели свода и перечней были носителями новгородского исторического сознания и ставили своей целью создать тексты, помещавшие историю Новгорода в контекст общерусской, но в то же время подчеркивавшие ее отдельность. Здесь уже нельзя говорить о случайных опытах отдельных клириков — создание таких текстов должно было быть обусловлено некоторым состоянием умов в Новгороде в конце XI в.

Здесь можно вспомнить, что с конца XI — начала XII в. в Новгороде массовыми становятся находки княжеских печатей [Янин 1981: 245–246; Янин, Гайдуков 1998: 8]⁵ или, что почти то же, с этого времени начал формироваться архив на Городище, находки с которого составляют основу корпуса древнерусских печатей [Белецкий 2001: 125–126]. В задачи этой статьи не входит разрешение вопроса о том, какие документы скрепляли древнерусские вислые печати⁶. В любом случае рост их употребления и начало их отложения на Городище — важное событие в истории взаимоотношений новгородцев с письмом.

⁴ Уверенности здесь, однако, быть не может [Гимон 2012б: 631, примеч. 161].

⁵ Также, по гипотезе В. Л. Янина, найденные в значительном количестве печати “протопродра Евстафия” с изображением св. Феодора принадлежат новгородскому посаднику Завиду — первому из посадников времени правления Мстислава Владимировича в Новгороде, занимавшему эту должность между 1088 и 1093 гг. [Янин 2003: 85–88; Янин, Гайдуков 1998: 39].

⁶ В. Л. Янин объясняет это тем, что при Мстиславе Владимировиче в Новгородской земле начался процесс “государственной раздачи черных волостей, как частным лицам, так и духовным учреждениям”, т. е. печати скрепляли утраченные жалованные грамоты [Янин 1981: 246; Янин, Гайдуков 1998: 8, 49]. Ср. другие предположения о функциях печатей: [Каштанов 1974; Франклин 2010: 309]. Не исключено, что какая-то часть печатей могла использоваться вообще без документов, в качестве удостоверяющего знака — такая практика известна в ряде стран средневековой Европы, ср.: [СНАРЛАИС 1973: 51–52, 56; Каштанов 1988: 164–165].

Еще на рубеже XI–XII вв. создаются так называемые “книги Лазаревы” — древнейший дошедший до нас комплект *ординарных* богослужбных книг (две минеи, дата написания которых известна из записей, относятся к 1096–1097 гг.) [Столярова 1998: 193–221; Бобров 2001: 23–28; Гиппиус 2007а; Уханова 2009]. Тот факт, что именно “книги Лазаревы” сохранились до наших дней, может быть исторической случайностью. Возможно, и даже вероятно, что подобные комплекты книг создавались и ранее⁷. Можно констатировать лишь то, что в конце XI в. мы впервые видим организованный коллектив книгописцев, работающий вне кафедрального Софийского собора.

Вырисовывается, пусть пока и не слишком определенно, контекст, в котором Новгород создает свои первые (если не считать кратких записей) опыты историописания — летописный свод и перечни-обзоры. Это, с одной стороны, если так можно выразиться, “второе поколение” в развитии новгородской книжности, а с другой — не до конца пока понятный процесс, выразившийся в резком росте использования печатей.

1110-е годы

После 1115 г. (или 1117 г.?) в тексте Новгородской I летописи перестает отражаться киевский источник. Напротив, новгородские записи становятся более многочисленными, регулярно начинают встречаться точные даты, касающиеся новгородских событий. Совершенно очевидно, что с этого времени в Новгороде началось систематическое ведение летописи. Согласно М. Х. Алешковскому и А. А. Гиппиусу, летописный свод, который стал дальше пополняться погодными записями, был составлен именно в это время⁸. Как попытался обосновать я (и о чем уже шла речь выше), такой свод был составлен несколько ранее, в 1090-х гг. Однако на протяжении конца XI и первых полутора десятилетий XII в. он не пополнялся (по крайней мере систематически), а в 1115 г. (или чуть позже?) был пополнен — на основе киевской летописи и припоминаний о новгородских событиях [Гимон 2012б: 625–628]. С этого момента киевский источник в новгородском летописании более не привлекался [он же 2012а: 504–506], а пополнение летописи *оригинальными* записями (в основном о местных, но также и об общерусских событиях) приобрело более или менее регулярный характер. Степень этой

⁷ Ср., однако, мнение о неразвитости книгописания в Новгороде в XI в. [Уханова 2009: 204–211].

⁸ М. Х. Алешковский [1971: 27] датировал свод 1115 г. По мнению А. А. Гиппиуса, вначале был составлен свод, доходивший до 1114 г., затем — с использованием третьей редакции “Повести временных лет” — он был пополнен статьями 1115 и 1116 гг., и только после этого летопись стала вестись уже совершенно самостоятельно [Гиппиус 2006: 208–209].

регулярности могла быть различной [он же 2005; 2006], однако очевидно, что со второй половины 1110-х гг. мы видим новый тип летописи: целенаправленно ведущуюся запись текущих событий.

Кроме начала ведения систематической летописи, на 1110-е гг. приходится еще начало регулярного использования посадничьей печати (параллельно с княжеской), что характерно для всего периода правления Всеволода Мстиславича (1117–1136). В. Л. Янин объясняет это изменением статуса посадников в это время и перераспределением полномочий в их пользу [Янин 2003: 106–120; Дубровин 2007: 53–54, примеч. 70]. Весьма вероятно, что между Всеволодом и Новгородом уже в 1117 г. был заключен ряд (в нарушении которого князя обвиняет летописная статья 1132 г.: “а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети”) [Янин 2003: 89–91], хотя нет никаких данных в пользу того, что этот ряд был письменным.

Переход к регулярному ведению летописи может быть отчасти связан с теми же сдвигами в новгородской политической жизни. Сложившееся неустойчивое равновесие в новгородско-княжеских отношениях могло вызвать к жизни идею протоколирования важнейших событий внутренней истории Новгорода. По крайней мере, с 1117 г. летопись начинает фиксировать назначения и смерти посадников, ср.: [Янин 2003: 92], а в 1115 г. впервые упоминает заказчика строительства церкви из числа знатных новгородцев. Собственно, в это время новгородцы (не князья и не духовные лица) впервые попадают на страницы летописи⁹, и это вряд ли случайно.

Однако мы знаем и другую, совершенно конкретную причину, которая, вероятно, способствовала интересу к летописанию в Новгороде. В 1110-х гг. в Киеве была создана и сразу же подверглась творческим переработкам “Повесть временных лет”. При этом так называемая третья редакция “Повести”, как следует из целого ряда данных, была связана с личностью князя Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха [Гиппиус 2007б: 27–42]. Мстислав княжил в Новгороде до 1117 г. (а затем оставил здесь сына Всеволода). Как полагает А. А. Гиппиус [2006: 209–210], новгородская летопись велась под патронатом князя Всеволода до 1132 г., а затем перешла под контроль архиепископа. Не исключено, что интерес Мстислава и его сына к летописанию и породил в Новгороде устойчивую летописную традицию.

⁹ Известия о Добрыне, Коснятине, Остромире и Улебе в тексте “Повести временных лет” и новгородско-софийских летописях восходят, как представляется, к киевскому источнику [Гимон 2012Б: 593–594, 657–660, 675–676].

1130-е годы

Прежде всего, это время отмечено новациями в области делового, официального письма. К 1130-м (или 1130–1140-м?) годам относятся четыре древнейших сохранившихся русских акта (если не считать договоров с Византией X в.) — жалованные грамоты, выданные князьями двум новгородским монастырям — Юрьеву и Пантелеймонову¹⁰. Тогда же, в 1137 г., был издан Устав Святослава Ольговича — документ, регулировавший поступление в пользу новгородской епископской кафедры доходов из северо-восточных владений Новгорода и тоже не знавший аналогов в более ранней новгородской письменности [ДКУ: 147–148; Янин 1991: 138–142, № 66]. Нельзя исключать и того, что древнейший пласт “Устава великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых”, также касавшегося прав и полномочий церковных институтов [ДКУ: 153–158], был создан в правление Всеволода Мстиславича, т. е. между 1117 и 1136 гг. [Гиппиус 2003]. Даже учитывая гипотетичность последнего примера, совершенно очевидно, что 1130-е годы — это время, когда князьями издается целый ряд документов (более ранних аналогов которым мы не знаем), регулирующих доходы, права и привилегии новгородских духовных корпораций.

После событий 1136 г. (когда Всеволод был изгнан из Новгорода, после чего новгородские князья стали часто сменяться) вновь претерпевает изменения характер печатей. Если в правление Всеволода, как уже говорилось, посадничья и княжеская печати использовались параллельно, то после 1136 г. посадничья булла почти выходит из употребления, тогда как княжеская продолжает стабильно употребляться [Янин 1977: 31–33]. В. Л. Янин убедительно объяснил это тем, что после 1136 г. изменилось соотношение власти князя и посадника и печать “превратилась в средство контроля, в средство ограничения княжеского самовластия республиканскими боярскими органами”. Княжеской печатью стали оформляться решения совместного суда князя и посадника, принцип которого зафиксирован в докончании XIII в.: “А без посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамоти даяти” [там же: 34]. Позднее, в свете новых находок, Янин предположил, что совместный суд возник раньше, в середине 1120-х гг. [Он же 2001: 22–30; 2003: 95–99, 119]. Тем не менее важнейший рубеж в использовании печатей пришелся именно на 1136 г.

¹⁰ [ГВНП: 139–141, № 79 (1134 г.), 80 (1134 г.?), 81 (1128–1132, предпочтительно 1130 г., сохранилась в подлиннике), 82 (1134 г.)]. Датировки даны по: [Янин 1991: 135–138, № 62–65]. Однако С. М. Каштанов вслед за Л. В. Черепниным датирует последний акт 1148 г. [Каштанов 2014: 90–92]. Комментарий к этому комплексу актов см.: [там же: 80–95].

1130-е гг. вообще выглядят временем новаций в новгородской письменной культуре. Кроме уже названных, в эти годы появились такие уникальные тексты, как, с одной стороны, каменный Стерженский крест 1133 г., увековечивший гидротехнические работы в верховьях Волги, произведенные будущим новгородским посадником Иванком Павловичем [Медынцева 2000: 227], а с другой — “Учение имже ведати человеку числа всех лет” Кирика Новгородца — созданный в 1136 г. трактат о времяисчислении [Мильков, Симонов 2011: 301–350].

Большинство берестяных грамот не поддается датировке с точностью до года и даже десятилетия, однако одно из вероятных исключений приходится как раз на 1130-е годы. Грамота № 739 представляет собой начало письма: “Отъ Глѣбѣка къ волочаномъ. Вѣдаите сему диаку 5 и гривну църкъвную стрѣже. . .” Поскольку имя Глеб(ко) было по преимуществу княжеским, скорее всего, речь идет о князе Глебке, брате Святослава Ольговича, находившемся в Новгороде в 1137–1138 гг. [НГБ-10: 37; Зализняк 2004: 291–292]. Перед нами официальный документ, выданный князем некоему “дьяку” и удостоверявший полномочия последнего взыскать с жителей определенной местности (“волочан”) дань и церковную десятину. Это древнейший документ такого типа среди берестяных грамот, к тому же связанный по содержанию с уже упомянутым Уставом Святослава Ольговича 1137 г., регулировавшим сбор десятины (в том числе и в Заволочье¹¹). Примерно к тому же времени относятся и другие берестяные документы, ранее не имевшие аналогов: № 900 (жалоба жителей села старосте на некоего Хотьжера с просьбой его оштрафовать, 1120–1130-е гг.) и № 842 (сопроводительное письмо к партии продуктов, первая половина XII в.) [Зализняк 2004: 286, 311]. Они отражают качественно новый (в сравнении с XI и рубежом XI–XII вв.) уровень проникновения письма в повседневную хозяйственную жизнь и на периферию Новгородской земли.

Что касается летописания, то в 1132 г., согласно лингвистическим данным А. А. Гиппиуса, произошла первая смена автора, пополнявшего новгородскую летопись. Ученый вполне убедительно интерпретирует эту смену как переход летописания из рук князя (Всеволода Мстиславича, у которого в этом году произошел конфликт с Новгородом) в руки архиепископа Нифонта. В дальнейшем, вплоть до XV в., летопись велась под патронатом архиепископов (фиксируемые лингвистически смены летописцев обычно совпадают по времени со сменами архиепископов [Гиппиус 2006]).

¹¹ На этом основании В. Л. Янин и А. А. Зализняк предполагают, что грамота № 739 была адресована именно в Заволочье, а не в Волок Вышний или Ламский [НГБ-10: 37].

Рубеж в летописании, приходящийся на 1130-е гг., отмечался и ранее. Так, Д. С. Лихачёв датировал 1136 г. создание “Софийского временника” — по его гипотезе, первого епископского, “республиканского” летописного свода Новгорода [Лихачёв 1948]. О. Р. Квирквелия обратила внимание на ряд изменений в круге интересов новгородской летописи, которые связала со сменой епископов в 1130 г.: меняется характер известий о посадниках (раньше упоминались отдельно смерти и назначения, теперь появляются известия, называющие и старого, и нового посадника), начинают отмечаться городские волнения, строительство деревянных храмов (а не только каменных) и др. [Квирквелия 1986: 85–87, 94]. К этому можно добавить, что с 1130-х гг. резко уменьшается число сообщений, касающихся княжеской семьи [Гимон 2003: 341–347]. Эти изменения логично связать не со сменой епископа, а именно с переходом летописи из княжеских рук во владычные, тем более что впоследствии, на протяжении XII–XIII вв., перемен в круге интересов летописцев обнаруживается еще меньше и потоки сообщений остаются чрезвычайно стабильными [там же: 347–348].

После 1132 г. претерпевает изменения не только круг фиксируемых летописью событий. Ее статьи заметно увеличиваются в объеме и содержат больше дневных дат. По-видимому, летописцем архиепископа Нифонта (автором статей 1132–1156 гг.) был Кирик Новгородец, который вел летопись более систематично, чем это делал его предшественник, княжеский летописец, и больше интересовался вопросами хронологии [Гимон 2005: 330–336]. Впоследствии степень этой систематичности (равно как и объем погодных статей, концентрация дневных дат) могла колебаться, не всегда достигая планки, заданной Кириком, однако в целом летописание новгородских владык было регулярным и почти непрерывным.

С 1132 г. в летопись начинают включаться антикняжеские пассажи, причем носящие, как кажется, характер официального изложения позиции Новгорода. Под 1132 г. Всеволод обвиняется в том, что отправился в Переяславль, “а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети” [ПСРЛ, 3: 22]. Под 1136 г. приводится обвинение из трех пунктов: “А се вины его творяху: 1, не блюдетъ смердь; 2, «чему хотелъ еси сести Переяславли»; 3-е, «ехалъ еси съ пълку переди всѣхъ, а на то много; на початыи велевъ ны, рече, къ Всѣволоду приступити, а пакы отступити велить»”. Под тем же годом указано, что архиепископ Нифонт не разрешил подчиненным ему попам венчать нового князя, Святослава Ольговича, “глаголя: «не достоинъ ея [невесту. — Т. Г.] пояти»” [ПСРЛ, 3: 24]. Обвинения в адрес князей встречаются и дальше, под 1148 и 1154 гг.; нечто подобное можно встретить и в текстах последующих владычных летописцев.

Таким образом, продолжая быть своего рода протоколом важных для Новгорода событий, после 1132 г. летопись несколько (хотя и не радикально) меняет круг своих интересов, записи становятся более регулярными и подробными и, наконец, начинают записываться претензии Новгорода к князьям и основания для их изгнания. Летопись становится документом, фиксирующим позицию и решения Новгорода в ключевые моменты его истории.

Итак, 1130-е гг. — время серьезных новаций в новгородской письменной культуре. Князьями издаются жалованные грамоты и уставы, гарантирующие права, привилегии и доходы новгородских церковных институтов. Изменения в характере использования печатей, какие бы документы они ни скрепляли, связаны ограничением власти князя и гарантиями для республиканских институтов Новгорода. Переход летописания из рук князя в руки архиепископа и начало фиксации в нем официальной позиции Новгорода и претензий к князьям — явление того же порядка. Таким образом, в Новгороде в 1130-е гг. письмо стало активно использоваться для фиксирования прав, владений, привилегий и взаимных позиций основных политических институтов и игроков.

Применительно к документам, фиксирующим церковные привилегии, С. Франклин предположил, что за ними стоит конкретная фигура — архиепископ Нифонт (1130–1156). Он прямо упомянут в двух документах: Уставе Святослава Ольговича (“урядиль князь [. . .] с владыкою Нифонтом”) и грамоте Пантелеймонову монастырю (“по благословению епискупа Нифонта”), но мог иметь отношение и к созданию остальных. Франклин считает Нифонта проводником византийского влияния, и в том числе византийских письменных практик [FRANKLIN 1985: 29–30]¹². Причастность Нифонта к летописанию несомненна. Судя по всему, велика была и его роль в политических событиях 1130-х гг. Однако вряд ли все изменения в новгородской письменной культуре в это время можно свести к роли Нифонта; не в меньшей степени они были вызваны логикой развития новгородских политических институтов.

В. Л. Янин убедительно показал, что политические события 1130-х гг., хотя и имели важное значение для становления республиканских институтов Новгорода, не были “революцией”, но лишь закрепили тенденцию, имевшую место и раньше [Янин 2003: 105–106 и др.]¹³. Согласно

¹² С. Франклин указывает на синхронность процессов в Новгороде и Смоленске, где с 1136 г. появляются схожие документы и где аналогичную роль мог сыграть епископ Мануил, грек по происхождению [FRANKLIN 1985: 29].

¹³ Ср. также данные в пользу того, что летописцы преувеличивали самостоятельность новгородцев в 1130-х гг. и, наоборот, затушевывали ту роль, которую в этих событиях играла расстановка сил в общерусской политике [Вилкул 2009: 285–299].

ученому, уже в XI в. в системе сбора дани в Новгородской земле видны черты компромисса между княжеской властью и местным боярством. Этот компромисс может восходить как к эпохе Ярослава Мудрого, так и к более раннему времени — к призыванию варягов, носившему, судя по летописному сказанию, договорный характер [он же 2001: 61–62]. На первую половину XII в. приходится усиление этой тенденции, изменение баланса сил в пользу республиканских институтов и конституирование конкретных механизмов, таких как совместный суд князя и посадника. Изучение письменной культуры вносит важный штрих в эту картину: именно 1130-е гг. оказываются тем временем, когда права и позиции различных игроков новгородской политической жизни начинают активно закрепляться на письме.

Дальнейшие проявления этого процесса можно видеть в новгородско-княжеских докончаниях XIII в., в ссылках на “Ярославли грамоты”¹⁴, во включении законодательных текстов (Краткой Правды) в состав владычной летописи при ее редактировании в 1160-е гг. [Гиппиус 1997: 59–63] — и, конечно, в той стабильности и систематичности, с которыми эта летопись велась в XII–XIV вв. Из сказанного не следует, что с 1130-х гг. протоколирование новгородско-княжеских отношений стало единственной функцией летописи: ее содержание многообразно и отнюдь не сводится к данному сюжету. Однако, как кажется, эта функция стала одной из важнейших, а постоянная напряженность и острота новгородско-княжеских отношений способствовала непрерывности и систематичности новгородского владычного летописания.

Библиография

АЛЕКСЕЕВ 2010

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Остромирово Евангелие и византийско-славянская традиция Священного Писания”, в: *Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов*, С.-Петербург, 2010, 41–59.

АЛЕШКОВСКИЙ 1971

АЛЕШКОВСКИЙ М. Х., *Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси*, Москва, 1971.

БЕЛЕЦКИЙ 2001

БЕЛЕЦКИЙ С. В., *Введение в русскую допетровскую сфрагистику*, С.-Петербург, 2001.

БОБРОВ 2001

БОБРОВ А. Г., “Монастырские книжные центры Новгородской республики”, в: *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри*, С.-Петербург, 2001, 3–123.

ВИЛКУЛ 2009

ВИЛКУЛ Т. Л., *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.*, Москва, 2009.

¹⁴ Сводку данных и историографию вопроса см.: [ПЕТРОВ 2003: 63–87].

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

Гимон 2003

Гимон Т. В., “Новгородское летописание XII–XIII вв.: Проблема отбора событий для фиксации”, в: *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени*, Москва, 2003, 334–348.

——— 2005

Гимон Т. В., “Как велась новгородская погодная летопись в XII веке?”, в: *Древнейшие государства Восточной Европы, 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах*, Москва, 2005, 316–352.

——— 2006

Гимон Т. В., “Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи”, *Средневековая Русь*, 6, 2006, 80–118.

——— 2012А

Гимон Т. В., *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование*, Москва, 2012.

——— 2012Б

Гимон Т. В., “События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях”, в: *Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*, Москва, 2012, 584–703.

Гиппиус 1997

Гиппиус А. А., “К истории сложения текста Новгородской первой летописи”, в: *Новгородский исторический сборник*, 6 (16), 1997, 3–72.

——— 2003

Гиппиус А. А., “К истории текста Церковного устава Всеволода”, в: *Новгород и Новгородская земля: История и археология (Мат-лы науч. конф.: Новгород, 28–30 января 2003)*, 17, В. Новгород, 2003, 163–173.

——— 2006

Гиппиус А. А., “Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I”, в: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004–2005*, Москва, 2006, 114–251.

——— 2007А

Гиппиус А. А., “К вопросу о новгородском лазаревском скриптории рубежа XI–XII вв.”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (27), 2007, 36–44.

——— 2007Б

Гиппиус А. А., “К проблеме редакций Повести временных лет. I”, *Славяноведение*, 5, 2007, 20–44.

ДКУ

Щапов Я. Н., изд., *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.*, Москва, 1976.

Дубровин 2007

Дубровин Г. Е., “Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (27), 2007, 45–59.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.

Каштанов 1974

Каштанов С. М., “Древнерусские печати (Размышления по поводу книги В. Л. Янина)”, *История СССР*, 3, 1974, 182–183.

- 1988
КАШТАНОВ С. М., *Русская дипломатика*, Москва, 1988.
- 2001
КАШТАНОВ С. М., “К теории и практике сравнительного источниковедения”, в: *Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой*, Москва, 2001, 158–168.
- 2014
КАШТАНОВ С. М., *Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси*, Москва, 2014.
- КВИРКВЕЛИЯ 1986
КВИРКВЕЛИЯ О. Р., “Методика анализа системы умолчания Новгородской I летописи”, в: *Математика в изучении средневековых повествовательных источников*, Москва, 1986, 83–97.
- ЛИХАЧЕВ 1947
ЛИХАЧЕВ Д. С., *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва, Ленинград, 1947.
- 1948
ЛИХАЧЕВ Д. С., “Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г.”, *Исторические записки*, 25, 1948, 240–266.
- МЕДЫНЦЕВА 1978
МЕДЫНЦЕВА А. А., *Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора, XI–XIV века*, Москва, 1978.
- 2000
МЕДЫНЦЕВА А. А., *Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века*, Москва, 2000.
- МИЛЬКОВ, СИМОНОВ 2011
МИЛЬКОВ В. В., СИМОНОВ Р. А., *Кирик Новгородец: Ученый и мыслитель*, Москва, 2011.
- НГБ-10
ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование*, Москва, 2000.
- ПЕТРОВ 2003
ПЕТРОВ А. В., *От язычества к святой Руси: Новгородские уособицы: К изучению древнерусского вечевого уклада*, С.-Петербург, 2003.
- ПРИСЁЛКОВ 1996
ПРИСЁЛКОВ М. Д., *История русского летописания XI–XV вв.*, 2-е изд., С.-Петербург, 1996.
- ПСРЛ
Полное собрание русских летописей, 3: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, 2000; 42: *Новгородская Карамзинская летопись*, С.-Петербург, 2002.
- СТОЛЯРОВА 1998
СТОЛЯРОВА Л. В., *Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах*, Москва, 1998.
- 2000
СТОЛЯРОВА Л. В., *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков*, Москва, 2000.
- УХАНОВА 2009
УХАНОВА Е. В., “О становлении новгородского книгописания в XI – начале XII в.”, в: *Хризограф. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи: Тр. междунар. науч. конф.*, Москва, 5–7 сентября 2005 г., 3, Москва, 2009, 204–237.
- ФРАНКЛИН 2010
ФРАНКЛИН С., *Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950 – 1300 гг.)*, С.-Петербург, 2010.

ШАХМАТОВ 2002

ШАХМАТОВ А. А., *История русского летописания*, 2/1, С.-Петербург, 2002.

Янин 1977

Янин В. Л., *Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород*, Москва, 1977.

——— 1981

Янин В. Л., *Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)*, Москва, 1981.

——— 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий*, Москва, 1991.

——— 2001

Янин В. Л., *У истоков новгородской государственности*, В. Новгород, 2001.

——— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, 2-е изд., Москва, 2003.

Янин, Гайдуков 1998

Янин В. Л., ГАЙДУКОВ П. Г., *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.*, 3: *Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.*, Москва, 1998.

CHAPLAIS 1973

CHAPLAIS P., "The Anglo-Saxon Chancery: From the Diploma to the Writ," in: *Prisca Munimenta: Studies in archival and administrative history presented to Dr A. E. J. Hollaender*, London, 1973, 43–62.

FRANKLIN 1985

FRANKLIN S., "Literacy and Documentation in Early Medieval Russia," *Speculum: A Journal of Medieval Studies*, 5/1, 1985, 1–36.

GIPPIUS 2012

GIPPIUS A., "Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus'," in: *Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North*, Turnhout, 2012, 230–238.

References

Alekseev A. A., "Ostromirovo Evangelie i vizantiisko-slavianskaia traditsiia Sviashchennogo Pisaniiia," in: *Ostromirovo Evangelie i sovremennye issledovaniia rukopisnoi traditsii novozavetnykh tekstov*, St. Petersburg, 2010, 41–59.

Aleshkovsky M. Kh., *Povest' vremennykh let: Sud'ba literaturnogo proizvedeniia v Drevnei Rusi*, Moscow, 1971.

Beletsky S. V., *Vvedenie v russkuiu dopetrovskuiu sfragistiku*, St. Petersburg, 2001.

Bobrov A. G., "Monastyrskie knizhnye tsentry Novgorodskoi respubliki," in: *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Severnorusskie monastyri*, St. Petersburg, 2001, 3–123.

Chaplais P., "The Anglo-Saxon Chancery: From the Diploma to the Writ," in: *Prisca Munimenta: Studies in archival and administrative history presented to Dr A. E. J. Hollaender*, London, 1973, 43–62.

Dubrovin G. E., "Petriatin dvor i problema ranнего posadnichestva v Novgorode," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 1 (27), 2007, 45–59.

Franklin S., "Literacy and Documentation in Early Medieval Russia," *Speculum: A Journal of Medieval Studies*, 5/1, 1985, 1–36.

Franklin S., *Pis mennost , obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950 – 1300 gg.)*, St. Petersburg, 2010.

Gippius A. A., "K istorii slozheniia teksta Novgorodskoi pervoi letopisi," in: *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 6 (16), 1997, 3–72.

Gippius A. A., "K istorii teksta Tserkovnogo ustava Vsevoloda," in: *Novgorod i Novgorodskaia zemlia: Istoriia i arkhheologii*, 17, Veliky Novgorod, 2003, 163–173.

Gippius A. A., "Novgorodskaia vladychnaia letopis' XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriia i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii). I," in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*, 2004–2005, Moscow, 2006, 114–251.

Gippius A. A., "K voprosu o novgorodskom lazarevskom skriptorii rubezha XI–XII vv.," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 1 (27), 2007, 36–44.

Gippius A. A., "K probleme redaktsii Povesti vremennykh let. I," *Slavianovedenie*, 5, 2007, 20–44.

Gippius A., "Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus'," in: *Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North*, Turnhout, 2012, 230–238.

Guimon T. V., "Novgorodskoe letopisanie XII–XIII vv.: Problema otbora sobytii dlia fiksatsii," in: *Obrazy proshlogo i kollektivnaia identichnost' v Evrope do nachala novogo vremeni*, Moscow, 2003, 334–348.

Guimon T. V., "Kak velas' novgorodskaiia pogodnaia letopis' v XII veke?" in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2003 god: Mnimye real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstakh*, Moscow, 2005, 316–352.

Guimon T. V., "Novgorodskoe letopisanie pervoi chetverti XIII v.: khronologii i protsess popolneniia letopisi," *Srednevekovaiia Rus'*, 6, 2006, 80–118.

Guimon T. V., *Istoriopisanie rannesrednevekovoi Anglii i Drevnei Rusi: Sravnitel'noe issledovanie*, Moscow, 2012.

Guimon T. V., "Sobytiia XI – nachala XII v. v novgorodskikh letopisiakh i perechniakh," in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2010 god: Predposylki i puti obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva*, Moscow, 2012, 584–703.

Kashtanov S. M., "Drevnerusskie pechati (Razmysleniia po povodu knigi V. L. Ianina)," *Istoriia SSSR*, 3, 1974, 182–183.

Kashtanov S. M., *Russkaia diplomatika*, Moscow, 1988.

Kashtanov S. M., "K teorii i praktike sravnitel'nogo istochnikovedeniia," in: *Norna u istochnika Sud'by: Sb. st. v chest' E. A. Mel'nikovoi*, Moscow, 2001, 158–168.

Kashtanov S. M., *Issledovaniia po istorii kniazheskikh kantseliarii srednevekovoi Rusi*, Moscow, 2014.

Kvirkveliya O. R., "Metodika analiza sistemy umolchaniia Novgorodskoi I letopisi," in: *Matematika v izuchenii srednevekovykh povestvovatel'nykh istochnikov*, Moscow, 1986, 83–97.

Likhachev D. S., *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie*, Moscow, Leningrad, 1947.

Likhachev D. S., "Sofiiskii vremennik i novgorodskii politicheskii perevorot 1136 g.," *Istoricheskie zapiski*, 25, 1948, 240–266.

Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi Novgorodskogo Sofiiskogo sobora, XI–XIV veka*, Moscow, 1978.

Medyntseva A. A., *Gramotnost' v Drevnei Rusi: Po pamiatnikam epigrafiki X – pervoi poloviny XIII veka*, Moscow, 2000.

Mil'kov V. V., Simonov R. A., *Kirik Novgorodets: Uchenyi i myslitel'*, Moscow, 2011.

Petrov A. V., *Ot iazychestva k sviatoi Rusi: Novgorodskie usobitsy: K izucheniiu drevnerusskogo vechevogo uklada*, St. Petersburg, 2003.

Priselkov M. D., *Istoriia russkogo letopisaniia XI–XV vv.*, 2nd edition, St. Petersburg, 1996.

Shakhmatov A. A., *Istoriia russkogo letopisaniia*, 2/1, St. Peterburg, 2002.

Shchapov Ia. N., ed., *Drevnerusskie kniazheskie ustavy XI–XV vv.*, Moscow, 1976.

Stoliarova L. V., *Drevnerusskie nadpisi XI–XIV vekov na pergamentnykh kodeksakh*, Moscow, 1998.

Stoliarova L. V., *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamentnykh kodeksov XI–XIV vekov*, Moscow, 2000.

Ukhanova E. V., "O stanovlenii novgorodskogo knigopisaniia v XI – nachale XII v.," in: *Khrizograf. Srednevekovye knizhnye tsentry: mestnye traditsii i mezhregional'nye sviazi*, 3, Moscow, 2009, 204–237.

Valk S. N., ed., *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moscow, Leningrad, 1949.

Vilkul T. L., *Liudi i kniaz' v drevnerusskikh letopisiakh serediny XI–XIII vv.*, Moscow, 2009.

Yanin V. L., *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniia: Srednevekovyi Novgorod*, Moscow, 1977.

Yanin V. L., *Novgorodskaiia feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*, Moscow, 1981.

Yanin V. L., *Novgorodskie akty XII–XV vv.: Khronologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.

Yanin V. L., *U istokov novgorodskoi gosudarstvennosti*, Veliky Novgorod, 2001.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd edition, Moscow, 2003.

Yanin V. L., Gaidukov P. G., *Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv.*, 3: *Pechati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg.*, Moscow, 1998.

Yanin V. L., Zalizniak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raspokov 1990–1996 gg.)*, *Paleografia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, Moscow, 2000.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd edition, Moscow, 2004.

Тимофей Валентинович Гимон, доктор ист. наук

Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник центра
"Восточная Европа в античном и средневековом мире"

119991 Москва, Ленинский проспект, 32А

Россия/Russia

guimontv@mail.ru